

♣Annotation

Это мир. Наш мир. С компьютерами, автомобилями и умными гаджетами. Кофеварки знают, сколько сахара добавить в чашку, смартфоны помнят распорядок дня и количество калорий, съеденных за обедом. Мир живет в бешеном потоке информации, в нем нет места средневековым сказкам о магии, волшебных метлах и ведьмах в остроконечных шляпах. Стоп. Или есть?

Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Эпилог

♣ Посвящается бабушке, ее предкам и потомкам.

Пролог

Дверь с грохотом отворилась. На пороге из темноты возникла высокая фигура в длинной черной одежде. Острый конец шляпы упирается в потолок, с бортов текут ручьи, на полу остаются небольшие лужи и по щелям между досками стекают обратно на улицу.

В руке фигуры метла, длинной в полтора человеческих роста. Помело от воды распушилось, прутья торчат в стороны, словно усы рассерженной кошки.

Она стряхнула капли с плеч и постучала черенком по краям шляпы. В стороны полетели капли, и летели до тех пор, пока шляпа не стала сухой.

Поставив метлу у стены к двум другим, женщина проговорила резко:

– Погода никудышная. Что за срочность? Предупреждаю, если вызвали из-за пустяка, в следующий раз не полечу. Даже если небо рухнет.

Ведьма закончила отряхивать одежду, и закрыла дверь – брызги от ливня попадают на помело, а оно и так натерпелось за полет сквозь грозу.

Потом сняла шляпу и положила на полку, где аккуратным рядом застыла шляпа с повисшим краем, по последнему слову моды. За ней притаилась шляпа вообще без бортов.

Женщина покривилась, в голубых глазах сверкнул лед, она обернулась в середину дома. На сухом, почти без морщин лице, застыл вопрос, а длинный, крючковатый нос шевельнулся, будто пытается уловить едва заметные запахи.

– Носить чародейские шляпы – моветон, – презрительно проговорила она и провела пальцами по седому пучку на макушке. – Не верится, что в наш нерушимый Круг пробралась эта зараза.

– Не причитай, – отозвалась упитанная старуха за столом. – Легче отбиться от приставаний Асмодея, чем тебе угодить. Вон, даже погода попортилась от твоего злобства.

– Я не злобная, а прямолинейная, – сообщила первая ведьма так, словно это очевидная истина. – В такую погоду, ни одна приличная ♠карга не вылетит. Одни неприличные летают.

Она подошла к печке и подставила ладони к огню. От одежды повалил пар, ткань расправилась и заблестела, как настоящий атлас. Ведьма довольно вздохнула и лицо расплылось, как у кота, получившего миску сметаны.

– Хорошие поленья, – проговорила она, – долгоиграющие. Надо и мне таких.

– Надо, – согласилась вторая. – Только за ними через горы в Тулуарский лес слетать придется. А там яга.

Первая ведьма резко обернулась, глаза округлились.

– Сдурела ты, карга, такое на ночь говорить? Еще яги нам не хватало. И так ее рой через Долину летает.

Старуха за столом достала мундштук, в котором торчит короткая, но толстая самокрутка, и щелкнула пальцами. Самокрутка вспыхнула, кончик затлел, тихо потрескивая, словно что-то шепчет на лишь ему понятном языке.

Откинувшись на спинку стула, вторая ведьма приподняла края мундштука. Самокрутка моментально прогорела, пепел осыпался прямо на пол, но ведьма даже не посмотрела.

– Зачем зажигать, если не куришь? – фыркнула остроносая.

Ее платье окончательно высохло. Она подошла к столу и чинно опустила на деревянный табурет.

Вторая ведьма покрутила сгоревшую самокрутку перед носом. Левый глаз прищурился, всматриваясь в тлеющий огарок.

– Курить вредно, – произнесла она. – От этого кожа портится. Зато глянь, какая я загадочная. Прямо как Дона Эльза на картине.

– Дона Эльза не курила, – произнесла остроносая карга и поправила выбившуюся из пучка седую прядь. – Так что за дело? Обратно по такой погоде не полечу. Дождь прекратится только утром, придется терпеть меня всю ночь.

– Да уж, счастье привалило, – хохотнула толстуха, ковыряя в зубе. – Но мы постараемся побыстрее.

Остроносая скривилась и произнесла едко:

– Премного благодарна.

Из темного угла шагнула третья ведьма, совсем молодая, с огненно-рыжими волосами и глазами цвета травы. В руках небольшой

пузырящийся котел. По всем законам физики он должен оставлять ужасные ожоги на нежной коже, но ведьма держит чугунок и лишь улыбается.

Пройдя по скрипучему полу, рыжая поставила котел на середину стола, и все трое одновременно заглянули внутрь.

Прозрачная зеленоватая жидкость пенится, выплескивая на столешницу капли, похожие на изумруды. В середине что-то шипит и посвистывает.

Первая ведьма потянула носом и удивленно приподняла бровь.

– Ямайский перец? – поинтересовалась она.

Губы рыжей растянулись в кривой улыбке, она откинула непослушные космы, и проговорила:

– Он самый. Пришлось три дня за ним гоняться. Обычно кладу его в молодильное зелье, а тут решила в зрячий котел добавить. Для качества изображения. И знаете, что?

– Что? – хором спросили ведьмы.

– Ни черта он не помогает, – сообщила рыжая.

Ведьмы сочувственно закивали, потому, что все знают – когда долго готовишь варево, а оно не срабатывает, это бьет по репутации. А репутация для ведьмы самое главное.

Они еще немного покорчили скорбные лица, потом сделали вид, что обо всем забыли, и устали в середину котла. То, что ямайский перец не улучшил качество изображения, вовсе не значит, что его нет.

Рыжая что-то пошептала, крошила в бурлящую жидкость оранжевый порошок. Затем хлопнула в ладоши и смачно плюнула в варево.

Жидкость зашипела и пошла мелкими белыми пузырями, какое бывает на убегающем молоке. Пена быстро пошла вверх, когда достигла краев и едва не перелилась, ведьмы хором рывкнули. Пена осела.

В середине пузырьки разошлись и открыли чистую зеленую воду. Через секунду проявились картинки, замелькали дома, машины. На отдельных участках светофоры и крошечные человечки, которые бегут через выкрашенную полосками дорогу.

– Ну и варвары, – буркнула остроносая. – Несутся, как оглашенные, не видя света белого.

Картинка сместилась и на поверхности появилось молодое женское лицо с белыми волосами. Голубые глаза смотрят прямо на них, девушка сжимает губы, словно размазывает помаду. Потом покачала головой, и взгляд переместился куда-то вперед.

– Эт где она? – спросила пухлая ведьма и наклонилась пониже, чтобы рассмотреть.

Рыжая подняла палец и произнесла значительно:

– В машине.

Остроносая сосредоточенно смотрела, как блондинка крутит руль, что-то тыкает справа от себя. Потом картинка вновь переместилась, теперь на другую улицу, где на бешеной скорости несется еще одна машина – большая и черная.

– А это кто? – спросила ведьма строго.

Вторая закричала.

– Не знаю, – сказала она недовольно. – Но чую, с такой прытью, ничего хорошего не жди. Гляди как мчит, глаза круглые.

Первая ведьма наклонилась, едва не касаясь носом бурлящей жидкости, несколько секунд что-то разглядывала и бормотала, потом

резко выпрямилась и сказала возмущенно:

– Вы чего сразу не сказали?

– Так ты бухтела, как карга, – ответила толстуха. – На мундштук мой обзывалась.

Остроносая кивнула.

– И еще обзовусь, – произнесла она. – Она та, кто я думаю?

– Да уж как иначе...

– Тогда высылайте ворона, – сказала она, поднимаясь с табуретки. – И охрану. Срочно.

▲Глава 1

Ветер колышет волосы и щекочет кожу. В динамиках машины орет рок-группа, с названием, похожим на имя экзорциста. Но слова легкие, будто специально подбирали, чтоб запоминались лучше.

Локоть выставлен в окно и ветер поднимает волоски, пуская мелкие мурашки до самого плеча. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри растекается сладкое чувство если не полета, то свободы, которую может дать только скорость.

Мимо пронесся белоснежный «порш», блестящий и сверкающий, только с мойки, потому, что даже из салона автомобиля не пынут такой радостью и счастьем, как после нескольких этапов чистки.

– И тебе здрасте, – проговорила я, косясь на панель своей «приоры», которую купила в кредит и до сих пор за нее плачу.

На локоть села пчела. Я ойкнула, но махать за рулем не решилась. К тому же, где-то читала – они не любят машущих людей.

С насекомым на руке проехала четыре квартала. Когда притормозила на перекрестке, пчела поползла к пальцам.

– Хорошая насекомая, – произнесла я опасливо. – Ты же не будешь меня кусать? Ты полезный сельскохозяйственный зверь. Лети давай, а то я тебя боюсь.

Насекомое с явным удовольствием проигнорировало мои слова и продолжило ползти. Я косилась то на пчелу, то на дорогу, старясь не упускать из виду перестраивающихся лихачей в левом ряду.

– У тебя реактивный двигатель в брюхе, что ли? – спросила я, придавливая педаль тормоза. – Еще и выбрала место, куда приземлиться. Давай, порхай отсюда, мне рулить надо.

Пчела на секунду замерла, затем оттолкнулась и с тихим гулом полетела в сторону деревьев.

Я облегченно вздохнула и пошевелила рукой. Пока насекомое думало, кусать меня или нет, приходилось сидеть смирно, и рука затекла до самого плеча.

Воспоминания о чудовищном рое пчел, который гудел вокруг меня в лесу два года назад, были еще свежи. Я ощущала его кожей и всеми внутренностями, молясь чтобы они меня не тронули. Иногда ▲пчелы садились на лицо, но не жалили, а когда жужжащее облако взмыло в небо и улетело на восток, еще пол часа тряслась, пытаюсь прийти в себя.

Кровоток в руке наконец восстановился, я переключила канал на приемнике и заглянула в зеркало заднего вида. Его специально ставила так, чтоб можно было на себя любоваться.

Оттуда выглянуло аккуратное личико двадцати пяти лет, с серо-голубыми глазами, обрамленное длинными соломенными локонами.

Взгляд скользнул ниже к фотографии, которую все никак не решусь отклеить с панели. На ней улыбается черноволосый юноша с лукавыми карими глазами, словно ничего не было, и мы все еще

женаты.

Я тряхнула головой, взгляд снова поднялся к зеркалу, а губы сжались, как если бы размазывала помаду. На секунду показалось, в отражении какие-то бабки и рыжая девка.

– Мать честная... – шепнула я, отпрянув.

Несколько секунд моргала, пытаюсь вспомнить, что за дрянь вчера смотрела на ночь, если такое мерещится.

Проспект чистый, светофоры загорелись зелеными глазами. Говорят, попала в «зеленый коридор». А я, в сотый раз прокручивая в голове диалог с адвокатом по разводу, случившийся так быстро, что до сих пор не верю, вздохнула и понеслась по солнечной улице.

На календаре навигатора середина апреля, но народ пока в зимних пальто, некоторые даже в шубах. По радио сказали, весна в этом году запоздала, но лето обещают жарким, как в Эмиратах.

Я хмыкнула.

– Без вас бы ну никак не догадалась. Ничего. Будет и лето, и весна. Сегодня у подъезда лично видела, что на деревьях набухли и посветлели почки.

Зеленый коридор кончился, пришлось нажать на тормоз. Толпа людей поползла по переходу, словно не знают, что светофор скоро переключится.

Я нервно забарабанила пальцами по рулю, наблюдая, как мамаша тянет двоих детей, видимо погодок, те орут и сопротивляются, но мамаша прет, как танк.

В подставке для стаканов зазвонил мобильник, на экране высветилось лицо Наташи. Я поморщилась, представляя, во что может превратиться разговор с подругой, которая больше меня рыдала, пока я разводилась. Несколько секунд игнорировала, но телефон звонит, а стоять еще долго.

Пришлось нажать на прием вызова и включить громкую связь.

– Слушаю, – произнесла я.

– Барби, привет! – взвизгнуло в трубке. – Чего так долго не отвечала? Я думала, случилось что-то. Не случилось? Ты если что говори, поможем, чем сможем. Вон у нас в прошлом году...

– Ты по делу звонишь? – прервала я ее.

В трубке на секунду повисла пауза, словно Наташа действительно забыла, что хотела, затем послышалось неуверенное бормотание:

– М... Да, по делу. Ну вообще спросить хочу. Бумаги-то подписали? Разве так быстро разводиться можно? Разве можно?

– Можно, – сказала я коротко. – Подписали.

В динамике облегченно вздохнули.

– Ну слава богу. Ой, извини. Я не это имела ввиду. Это ж какой гад? Свинтил, даже «пока» не сказал. Свинья.

– Свинья, – повторила я машинально.

– Он объяснил причину развода?

– Его не было, – сказала я, представляя, как вытягивается лицо Наташи.

В трубке охнуло, Наташа возмущенно выдохнула:

– Как это не было?!

– Вот так, – сообщила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, но каждое слово отдавалось ударами в грудную клетку. – Он просто не приехал. Я не видела его с выходных. А о разводе сообщил по телефону три дня назад. Я тебе говорила.

В трубке повисла пауза, словно Наташа ищет слова, но никак не

может подобрать, потом все же произнесла:

– Он мерзавец. Подлец и трус. Если сбежал с какой-нибудь брюнеткой, мог бы по-человечески... По-взрослому...

– Мог, – оборвала я ее, чувствуя, что если она продолжит меня жалеть, разрыдаюсь прямо в машине. – Но не стал. Наташа, он ушел.

Из динамика донесся гневный выдох, она проговорила:

– И с завидной скоростью все провернул. Но ты не переживай. Не ты первая, не ты последняя. Ну нашел он другую, ну и пусть катится колбаской. Больно надо. Крепись, мы с тобой.

▲ Я проводила взглядом мамашу с орущими детьми. Один из них перешел на ультразвук, и теперь кажется, что в машине дребезжат стекла. С тротуара на переход выскочил толстопузый мужик и, переваливаясь, побежал на другую сторону, боясь не успеть до красного сигнала.

– Этого он не сказал, – ответила я Наташе. – Он не говорил, что ушел к другой женщине...

Наташа в трубке выдохнула.

– Не выгораживай его. Куда еще он мог уйти? Тут вот что. В турфирме распродажа, билеты путешествий на воздушных шарах по бросовым ценам. На неделю! Представляешь?

Я хмыкнула.

– А от меня ты что хочешь?

– Поедем с нами? – прямо спросила она. – Развеешься, сменишь обстановку. Чего в четырех стенах сидеть?

Когда толстопузый, наконец, перебежал на другую сторону улицы, мимо на красный пронесся черный «ягуар» с тонированными окнами. Послышались гневные крики и сигналы, мужчина на переходе погрозил кулаком.

Глядя вслед «ягуару», я проговорила:

– Спасибо, Наташ. Я подумаю. Хочу побыть одна и осознать все. Мы разошлись так быстро... Но вот они, бумаги... В общем, нужно время. Я позже перезвоню. Идет?

– Ну ладно, – сказала она покровительственным тоном. – Но ты не кисни, если что – звони, метнемся кабанчиками, заберем, и ты свои мысли думать забудешь. Сувениры, фотки. Настоящие, полетные.

Наконец зажегся желтый, а я мысленно вознесла молитву светофору. Моторы соседних машин радостно взревели.

– Слушай, мне сейчас некогда, – проговорила я. – Давай потом.

Наташа стала еще что-то говорить, но я уже нажала на «отбой». Нога выжала сцепление, ладонь дернула рычаг коробки передач. Мотор взревел, и машина понеслась вперед, пока я старательно гнала от себя мысли о бывшем муже, который скоростно развелся со мной, даже не явившись на подписание бумаг.

– Почему? – прошептала я, надеясь, что ответ выплывает сам по себе, как показывают в кино.

Но в голове пустота, а из ощущений лишь недоумение.

▲ Натужно выдохнув, я покосилась на коробку передач. Когда купила механику, друзья смеялись и не понимали, зачем блондинке сложности с переключением скоростей. Мол, взяла бы автомат и не мучилась в пробках. Но я только отмалчивалась. Ездить научил отец, а он не признает никаких автоматов.

Машины, которые стартовали первыми, быстро остались позади, моя старенька «приора» понеслась, мимо домов и магазинов. На новую денег не хватило. Да и на эту, чтоб взять кредит, пришлось собирать

целый год, еще и у друзей одалживать.

Мимо с жужжанием пролетел «спортбайк». Я с завистью проводила его взглядом и перестроилась в правый ряд, мечтая, что когда-нибудь у меня будет транспорт, достойный моей свободной натуры.

Порыв ветра ворвался в окно и принес запах мимозы, которыми обычно торгуют бабушки у метро.

Я снова переключила музыку и повернула направо, по радио сказали:

– И вам нужно быть особо внимательными...

В этот момент в бок с грохотом влетело что-то тяжелое и большое, меня тряхнуло, едва не оторвав голову. Скрежет металла резанул по ушам, а я в ужасе скривилась, пытаюсь вывернуть руль. Мир закрутился, машину дернуло в сторону и боком понесло на клумбы.

Вцепившись в руль, я кричала сквозь скрип колес и рев двигателя.

Когда вертеть перестало, вылетела подушка безопасности и больно ударила в нос. Из него потекло теплое, попало на губы, и сползло на подбородок, на подушке отпечаталось красное пятно. Я облизнула соленое, и замерла.

В голове звенит, сердце колотится, как у бешеной мыши. В динамике играет песня, кажется что-то про дорогу и любовь.

Медленно повернув голову, увидела черный «хаммер» с поцарапанным носом. Бандура, которой моя машинка на один зуб, чуть развернута от удара, и наполовину загораживает соседнюю полосу.

В кресле водителя молодой брюнет, глаза круглые, пальцы вцепились в руль. Взгляд застыл на мне, будто собирается прожечь, нос маленький, курносый, щеки бледные, и весь он напоминает злобного хряка, только отощавшего.

▲ – Дурак! – заорала я, пытаюсь вылезти.

Подушка никак не хочет отодвигаться я копошусь, как перевернутый на спину жук. Пока ковырялась и сыпала проклятия, брюнет из «хаммера» вылез. Решила – собирается помочь, но когда увидела в правой руке монтировку, внутри все застыло.

– Помогите... – пискнула я неожиданно тихим голосом.

Пока водитель с бешеными глазами приближался, к месту аварии стянулась толпа, остановились машины. Псих повертел головой, лицо искажилось то ли досадой, то ли раздражением, он резко развернулся и вернулся в машину. Мотор «хаммера» взревел, и брюнет умчался в неизвестном направлении.

– Сбежал... – прошептала я, пытаюсь расцепить замок на ремне безопасности. – Мерзавец... Он тоже сбежал... А моя «приорочка»...

Толпа вокруг росла, машин становилось больше. Мужики вылезли и смотрят, один даже телефон достал, снимает вместо того, чтобы вытаскивать меня из покореженной машины.

Наконец, удалось выковырять себя из власти подушки. С шипением открыла дверь и вывалилась на асфальт. Стоя на четвереньках, я заглянула под локоть и сердце мое упало.

Нос машины отсутствует, вместо него искрятся проводки. Откуда-то, как голливудских фильмах, капает то ли масло, то ли еще что-то.

Повертев головой, обнаружила бампер, капот, и основные внутренности автомобиля, разбросанные по проспекту метров на двадцать. Из живота поднялась волна злости, но смогла пробормотать лишь:

– Почему это происходит со мной...

В толпе слышались крики. Такие бывают в очереди, когда кто-то ломится вперед и распихивает локтями. Через секунду, отодвинув толстого мужика, на дорогу выбрался паренек, совсем юный. Лицо бледное, губы трясутся, он вытер лицо рукавом и подбежал.

– Вы в порядке? – спросил он тревожным голосом, подбегая. – Вы меня видите, слышите?

Меня качнуло. Из носа все еще капает, и на асфальте остаются темно-бордовые пятна. Ветер дует сбоку и пихает волосы в рот, пока стою на четвереньках, как алкаш, решающий ползти дальше или прилечь прямо тут.

♣ Я попыталась подняться, но мир снова закружился. Локти подкосились, а в желудке заворочался завтрак.

– Не шевелитесь, – выпалил он и снял с себя куртку. – У вас может быть сотрясение. Говорят, подушки сильно бьют. Не беспокойтесь, я врач.

Скользнув взглядом по щуплой фигуре, которая напоминает максимум студента первого курса мед колледжа, я скривилась. На языке завертелся колкий ответ, но тошнота заставила сцепить зубы.

Когда меня качнуло, парень обхватил за плечи и помог перевернуться. Затем расстелил свое пальто на асфальте и уложил меня бережно, словно фарфоровую.

Потом вытащил из кармана мобильник.

– Алло, скорая?

Я попыталась его остановить.

– Не надо. Все в порядке.

Волосы парня всклоочились от ветра, он вытаращился на меня, как на умалишенную. В угольных глазах сочувствие и, почему-то, облегчение.

– Вы что? – выдохнула он. – Это чудо, что остались живы. Машину разворотило, уже не починить. Проще на свалку вывезти или продать на запчасти.

– Замолчи, – простонала я и попыталась встать, но он повелительно прижал к асфальту.

– Лежи, – приказал он. – Автомобили ерунда. Главное, жива осталась. Точно в рубашке родилась. Кому-нибудь позвонить? Друзьям. Мужу?

– Нет, – ответила я щурясь от солнца, которое словно пытается выжечь глаза. – Мы развелись.

– Ну и чудненько, – почему-то произнес незнакомец. – Лежите, не шевелитесь, пока едет «скорая».

Я сдалась и откинула голову. В затылке отозвалась легкая боль. Кожа пошла мурашками, меня затрясло потому, что лежу лишь в джинсах и блузке. Несмотря на состояние, мысленно поблагодарила парнишу, который хлопочет вокруг меня, умудряясь поглядывать, куда не следует.

Над головой голубое весеннее небо, птички щебечут, а моя машина превратилась в консервную банку, за которую еще

♣выплачивать и выплачивать.

Сквозь шум в ушах слышно, как переговаривается толпа. Я простонала и покосилась на людей справа, среди которых помочь вызвался лишь один.

Шмыгнув носом, я спросила в никуда:

– Кто-нибудь номер записал?

Откуда-то из толпы послышался женский голос:

– Ты ж посмотри, какой гад! Врезался и смылся, тварюка. Это ж надо!

– Да это сплошняком сейчас, – раздался голос мужчины с другой стороны. – Они прав понакупят, гоняют, очертя голову. Давеча у нас на улице один вообще пьяным в подъезд завалился, мусору накидал, в лифте нагадил. Куда ЖЭК смотрит?

Женщина повысила голос.

– Да причем тут твой ЖЭК? Девочку, вон, как побило. Ты б лучше номер сфотографировал. Все с телефонами стоите.

– На это есть камеры, – отозвался мужчина. – Есть службы, которые за это отвечают. Зачем лезть туда, где не разбираюсь? Из-за таких как вы, у нас все и не ладно.

– Это каких таких?

– Да которые лезут не в свое дело!

Завязался спор, народ начал ругаться и доказывать, махая кулаками, кто лучше знает, как жизнь сделать лучше. Я тяжело вздохнула и, не поднимая головы, я глянула на столбы и заграждения.

На месте камер обрывки проводов, совсем свежие, словно кто-то специально потрудились и выдрал камеры к сегодняшнему дню.

– Сказочное везение... – прошептала я.

Парниша сидел передо мной на корточках, время от времени трогал лоб, проверял пульс и делал какие-то манипуляции, мне совершенно не понятные. Лицо серьезное, видно – знает, что делает, хотя взгляд, то и дело, соскальзывает к шелковой блузке.

– Как вы? – спросил он. – Хуже не стало?

– Куда хуже? – спросила я глухо. – Машина разворочена, нос болит, этот мерзавец сбежал...

Парень посмотрел в сторону, взгляд на секунду стал странным, будто не здесь. Проговорил отстраненно:

– Хорошо, что смылся.

▲ – Шутите? – не поверила я, пытаюсь понять, о ком конкретно мы говорим.

– Хорошо, – повторил он задумчиво, – что смылся. Значит, еще есть совесть, чтоб людям не показываться.

Через несколько минут, народ насладился хлебом и зрелищами, телефоны спрятались в карманах, люди стали постепенно расходиться.

Один, особо нахальный, мирно попивал кофе, пока я валялась в полубреду и делал фотографии с разных ракурсов. Но когда повернул камеру к себе для кадра на фоне меня, я не выдержала.

– Может еще мой нос вблизи сфотографируете?

Он оглянулся, губы растянулись в тупой улыбке.

– А можно?

– Вы в своем уме? – поинтересовалась я, пытаюсь привстать на локте, но парень-врач снова удержал. – Тут авария, а не кинотеатр!

Наглец усмехнулся.

– В кинотеатре нельзя снимать, – сообщил он. – А улица – место общественное. Что хочу, то и снимаю.

«Псевдоврач» поднялся и стал аккуратно, но настойчиво отводить его в сторону, но нахал начал махать рукой и уворачиваться, надеясь сделать какой-нибудь снимок.

– Топай давай, – спокойно произнес «псевдоврач». – Займись чем-нибудь полезным... подальше отсюда.

Нахал стукнул его по руке. Я ожидала, что парниша накинется на него и даст сдачи, ну или хотя бы толкнет в ответ. Но тот лишь сложил руки на груди и опустил голову, словно собирается боднуть.

Настырный юноша с телефоном покраснел от злости, губы затряслись, он выкрикнул срывающимся голосом:

– Я гражданин страны! У меня есть права! Могу ходить где хочу, и снимать, что хочу.

Мой щуплый защитник пожал плечами и сказал:

– Снимай и ходи, только не здесь.

– А я хочу здесь!

Внутри меня все закипело, боль в носу уже не режет, но тупая и постоянная, от чего еще хуже. Я подняла на нахала усталый взгляд и прошептала в сердцах:

– Да чтоб тебе... кофе твой дурацкий на себя вывернуть.

♣ Нахал сделал шаг назад, со стороны тротуара послышался дребезжащий звук потертых колес. Он быстро приближался, через пару секунд со спины на наглеца налетел парень на скейте.

В воздухе мелькнул бумажный стакан, и кофе оказался на белом замшевом пальто.

Я изумленно подняла бровь и проговорила:

– Все-таки есть на свете справедливость.

На месте аварии остались только щуплый паренек, который врач, и несколько мужиков. Они сели рядом на бордюр и закурили, время от времени поглядывая в мою сторону.

Потом была скорая, полиция. Мне светили в глаза фонариком, заставляли дуть в трубочку, от чего чуть снова не вывернуло. Прямо на месте взяли кровь, что-то долго писали. Какие-то бумажки для страховой компании, еще что-то. Я плохо соображала, и все делал паренек.

Пришлось заполнить бланки на экспертизу. Я с тоской посмотрела на свою «приору». Машина раскурочена, и восстановлению не подлежит.

На вопросы отвечала несвязно и коротко – на смену злости пришла слабость и апатия. Нос заклеили, вкололи кровоостанавливающее потому, что из него лилось до самого приезда скорой. Доктор сказал, что не сломан, просто ушиб сильный.

Паренек суетился рядом, сыпал медицинскими терминами и заглядывал в мою карту, умудряясь флиртовать с тремя медсестрами одновременно. Доктор на скорой раздраженно отмахивался, требуя, чтоб не мешал работать, но паренька это только раззадоривало.

Когда полез в коробку с анализами, доктор не выдержал.

– Молодой человек! – закричала он. – Если вы немедленно не прекратите, я сдам вас полиции.

Перспектива оказаться в «кутузке», паренька уладила. Он сел с краю на пол «скорой» и поправил плед у меня на плечах.

– Ничего, – проговорил он со знающим видом. – Все хорошо будет. Я подглядел в отчеты. Сотрясения нет, но стукнуло тебя знатно. А нос заживет.

Я кивнула. Единственное, что сейчас беспокоит – это разбитая машина и негодяй, который скрылся с места аварии.

– Его надо найти, – проговорила я слабо. – Пусть платит.

♣ – Найдем, – уверенно произнес парниша.

Я покосилась на него, надеясь увидеть улыбку или ухмылку, подтверждающие, что так шутит и пытается ободрить. Но тот

серьезный, как завоеватель севера в метель.

Смущенно повернувшись к дверце машины, я глянула на отражение в окне и чуть не заревела.

Как и у авто, мой нос перебит и заклеен пластырями. Тушь размазалась, видимо, все-таки плакала. Локоны. Мои чудесные соломенные локоны, которые укладывала целый час, торчат в разные стороны, как у болотной ведьмы.

Когда возня с документами закончилась, предложили ехать в больницу.

Представила, что придется снова бегать по кабинетам, сдавать анализы, одеваться, раздеваться сто раз. И отказалась. Хотя паренек настойчиво требовал, чтоб ехала.

– Вдруг у тебя что-то сломано? – не унимался он. – Или внутренний орган какой разорван. А может все-таки сотрясение, и ты на грани комы.

Я посмотрела на него скучающим взглядом и медленно встала на асфальт.

– Тоже мне, Доктор Маус, – бросила я. – Мне просто надо отдохнуть.

Парень вскочил следом и принялся поддерживать под спину, словно хрустальную.

Тошнота почти прошла. Видимо, от нервов разыгралась, а вовсе не от сотрясения, как надеялся это недоврач. В ушах еще шумит, но голова кружиться перестала. Только нос болит.

– Слушай, – проговорила я, стягивая плед с плеч. – Я в порядке. Просто у меня тяжелый... Нет. Очень тяжелый день. Но если будут какие-то проблемы, номер «скорой» знаю.

Парень запустил пальцы себе в волосы и с силой потер.

– Мне будет спокойней, если буду знать наверняка, – произнес он серьезно. – Знать, что ты в безопасности.

Я не сдержала улыбки.

– Мне кажется, – начала я осторожно, – ты выбрал не самое удачное время для знакомства. Я очень благодарна за помощь. Честно. ♠Без тебя я бы... в общем не знаю. Но больше всего я сейчас хочу попасть домой.

Он кивнул.

– С этим разберемся. Но я несу ответственность. Не ты ее возложила, не тебе ее снимать.

У меня округлились глаза, я некоторое время таращилась на него, в ожидании объяснений, но тот молчит с серьезным лицом.

Наконец я проговорила:

– Ладно.

– Чудненько, – сказал он все так же серьезно. – Все вещи забрала?

Я покачала головой.

– Нет. Там продукты и... телефон выбило из держателя. Не знаю, где-то в машине затерялся.

Он протянул свой мобильник, я набрала на сенсоре номер и пустила гудок. Из разбитой машины донесся симфонический хор. Парень приподнял бровь, я неловко повела плечами и отдала телефон.

Когда направилась к «приоре», чтоб забрать вещи, он прошмыгнул вперед. Прежде чем успела сообразить, открыл заднюю дверь, которая каким-то чудом не пострадала.

– Что доставать? – крикнул он.

Приблизившись, я заглянула через дверцу. Из салона торчит

костлявый джинсовый зад и грязные подошвы.

– Доставай все, – сказала я, оперевшись плечом на дверцу.

Парень долго рылся, шуршал пакетами, видимо теми, в которых лежат покупки из продуктового магазина. Потом ковырялся еще с чем-то, кажется, с журналами. Обычно покупаю сразу пачку и кладу в уборную.

Спустя вечность, парень вылез и протянул мне пакет, сумочку и телефон. На руке висит пальто, рукав залит чем-то блестящим.

– Пришлось повозиться? – спросила я почему-то охрипшим голосом и взяла пальто.

Он кивнул и протянул мне папку с документами о разводе.

– Там помидоры выкатились, – сообщил парень, – и банка с медом разбилась.

Я простонала, сокрушаясь, что придется салон чистить. Но тут же вспомнила, что у машины есть проблемы куда серьезней, и выхватила у него папку.

♣ Сунув телефон в карман джинсов, натянула пальто. Когда взяла сумку и пакет, меня качнуло, и паренек забрал все обратно.

– Так не пойдет. Ты едва на ногах стоишь, – сказал он и повесил женскую сумочку себе на плечо. – Я тебя довезу.

Я содрогнулась от мысли, что придется показывать, где живу, совершенно незнакомому человеку. Но когда подняла взгляд на парнишу, поняла – не отстанет. В голове шумит, а помощь действительно нужна потому, что терять сознание где-нибудь в метро или на улице не охота. Опять вызовут докторов, а на этот раз точно заберут в больницу.

– Хорошо, – согласилась я, – вызывай такси.

Он странно улыбнулся. И даже в таком состоянии по коже пробежали мурашки.

– Обижаешь, – сказал парниша. – Что я, совсем плохой? У меня своя.

Мы прошли за угол. Во время пути, он аккуратно, но крепко придерживал меня за локоть, готовый в любую секунду подхватить и нести на руках. От этого у меня внутри все почему-то сжималось. И с облегчением выдохнула, когда незнакомец сказал:

– Пришли.

Оказалось, у паренька припаркована машина на стоянке у супермаркета – блестящий черный ягуар с тонированными окнами. Внутри снова все застыло, я бросила опасливый взгляд на незнакомца и вывернула шею, чтобы посмотреть номера. Но он уже открыл дверцу и быстро усадил в машину.

Потом пакеты и сумка полетели на сидение, он оббежал машину спереди и сел.

– Куда едем? – спросил он бодро, словно только что не в аварии помогал, а в клубе пиво пил.

Меня потряхивало. То ли от аварии, то ли от дерзкого поведения незнакомца. В голове всплыли фильмы о похитителях, Дон Жуанах, а потом почему-то полезли картины хоррора.

Я трянула головой и тут же об этом пожалело – острая боль резанула по вискам, будто неделю не спала и каталась по клубам.

– Ты что-то бледная. Голова не кружится? – спросил он с тревогой.

– Нет.

♣ – Уверенна? А то на тебе лица нет.

Нервно сглотнув, я покосилась на него и произнесла:

– Честно сказать, я не сажусь в машины к незнакомым людям, даже если они вызывали мне скорую. Тем более в такую машину.

Парниша приподнял бровь.

– Это какую «такую»? – поинтересовался он, что-то нажимая на сенсорном табло вместо магнитолы.

– Тонированную, дорогую и не внушающую доверия, – сообщила я. – И ты проехал на красный.

– Это на перекрестке? – просил он, вытаскивая из-под кресла скомканный комок тряпки. – Ну натура в меня такая, острые ощущения, все дела. Заметь, от этого никто не пострадал. Я, между прочим, один из лучших, гм, водителей.

– Угу, – буркнула я. – Вредителей.

Парень встряхнул тряпку и принялся протирать панель, которая и без того пышет жаром, словно только что натерли воском или еще чем-то. Затем швырнул на заднее сидение и развернулся. Взгляд устремился вперед, сосредоточенный и прямой, будто он им пространство рассекает.

– И так, – сказал парниша. – Куда ехать? Имей ввиду, не выпущу, пока не удостоверюсь, что ты в безопасности.

Я вздохнула, как, наверное, вздыхали рабы или узники темниц в Средние века. Этот парниша вызвал смешанные чувства. На секунду захотелось выскочить из машины и бежать, пока не случилось что-то немислимое. Но голова кружится, а тело ломит.

Пришлось снять навигатор с держателя и набрать адрес.

Программа приятным женским голосом сообщила, что маршрут построен.

Вернув прибор на место, отвернулась, чувствуя, как внутри все сжимается от того, что можно было бы назвать предчувствием, если бы в такое верила.

В попытке выгнать дурные мысли, я уставилась в окно.

Мотор взревел, мы тронулись.

Парень ведет по-мужски уверенно и расслабленно. Окно чуть приоткрыто, ветер шевелит смоляную шевелюру, а я тайком разглядываю человека, который бесцеремонно обо мне печется.

♣ Кроме джинсов, на нем черная футболка со смайликом-чертенком, и золотые часы на запястье. Присмотревшись, поняла – он не такой юнец, каким показалось с первого взгляда. И удобо, вроде бы, куда-то делась. Под рукавами перекачаны тугие бицепсы, и плечи широкие, на под футболкой проглядывают прокаченные грудные мышцы. Подбородок волевой, с короткой щетиной, какую обычно любят женщины.

Пытаясь понять, почему теперь мой спаситель выглядит иначе, осознала, что слишком долго разглядываю его, и перевела взгляд на панель.

Незнакомец потянулся к магнитоле, но на полпути остановился и передумал.

– Тебе сейчас не стоит громкое слушать, – сообщил он врачебным тоном. – Нужен покой.

– Какой покой, если еду в черной машине с неизвестными номерами? – нервно бросила я.

Он отмахнулся.

– Не переживай. Со мной тебе ничего не грозит. Я, можно сказать, лучший в этом деле.

Моя тревога усилилась.

– В каком еще деле? – спросила я, косясь на ручку дверцы, и прикидывая, можно ли выпрыгнуть на ходу из машины, как в фильмах.

На секунду его лицо стало задумчивым, он потер пальцами подбородок, потом произнес:

– Ну, гм, в деле безопасности. В общем, для тебя я самый что ни есть безопасный. Поняла?

– Нет, – отрезала я.

Только сейчас заметила, что он оставил пальто на дороге и теперь одет совсем не по погоде. Хотела сказать, но он опередил:

– Куда большую опасность вызывает тот «хаммер». Тварь, быстро сработал, даже почесаться не успел. Умеют, могут, практикуют. Ну ничего, не с теми связались... Я работал, когда их и в проекте не было...

Он говорил, будто погружался в мысли, забывая, что тут посторонняя. Боясь нарушить его размышления, я притихла и стала прикидывать, как быть с машиной, которая разбита в металлолом и за которую надо выплатить остаток кредита.

♣ Мы проехали парк, потом озеро и свернули в спальный район, где у меня маленькая квартира-студия. Ее купила, как только появились первые деньги и тоже в кредит, хотя знакомые рекомендовали вложить в дело, купить акции, закрутить бизнес. Но сложно что-то крутить, когда жить негде.

– Ты, главное, не беспокойся, – неожиданно проговорил парень. – Ты одна из первых в списке.

Я повернулась и настороженно глянула на паренька, ожидая объяснений. У того лицо серьезное, с короткой щетиной, которую тоже почему-то не заметила с первого взгляда. Молчит и смотрит на дорогу.

– Ты про экспертизу? – осторожно поинтересовалась я.

Он странно покосился на меня черным глазом и произнес:

– Да какая экспертиза. Главное, вытащить успели. Вообще, это мой недосмотр. Надо было раньше приехать. Понадеялся, что так рано никто не осмелится. А нет. Ошибся. Они откуда-то знали. Но ты не переживай. Что-то подсказывает мне, ты справишься.

– Со страховкой? – снова поинтересовалась я, чувствуя, как по спине пробежала мокрая дорожка.

Он нажал на газ, едва не врезавшись в грузовик. Я вжалась в кресло и вцепилась в ручку на дверце.

– Осторожней! – вырвалось у меня.

Незнакомец, имя которого даже не потрудились узнать, не обратил внимания, что чуть не втянул меня в новый кошмар. Достал из бокового бардачка сигареты и закурил. Серый дымок завертелся спиралью, теряясь в приоткрытом окне. Человек вкусно курит, щуря левый глаз.

– Причем тут страховка, – произнес он, придерживая руль лишь пальцами. – Страховка тут решительно не причем. Ты не бойся. Пока мы рядом, точнее, я, по большей степени, тебя никто не тронет. Ты пройдешь, нутром чувствую. Такое просто так не появляется. Не все верят в новорожденных, но я встречал. Знаю, о чем говорю.

Слушая бессвязную околесицу, я хлопала ресницами, пытаюсь понять, что пытается сказать. Потом мелькнула жутковатая мысль – сумасшедший, который будет караулить по вечерам у подъезда, если домой довезет, а не в лес.

Я быстро скользнула взглядом по подбородку, высоким скулами и

темным, как густой чай глазам. Потом нервно сглотнула, пальцы сжали ручку двери, будто она может помочь, и стала искать – чем отбиваться, если вдруг полезет.

Парень даже не заметил моего ужаса, и невозмутимо продолжил, сворачивая во дворы:

– Главное, верить в себя и чутью. Они говорят о правилах, но я еще не видел ни одной, которая смогла бы пройти, только благодаря правилам. Не верь – вот тебе мой совет. Ты, конечно, можешь не слушать, я всего лишь охранник. Но у меня богатый опыт, и он говорит, что себя найти получается только у тех, кто идет на чутье.

Я старалась не смотреть на паренька, который, при близком рассмотрении вовсе и не паренек, а взрослый мужчина лет тридцати отроду. Да и не при близком тоже потому, что эти бицепсы можно не заметить лишь если стукнули по голове, как меня.

Мы проехали сквер. Я судорожно вспоминала, как ходила на курсы самообороны. Но там учили защищаться, а не вести себя с психом, который несет черт знает, что, и вот-вот узнает, где живу.

– Наверное, выйду здесь, – неуверенным голосом проговорила я и попробовала нажать на ручку.

Парень-не-парень глянул на меня оскорблено и покачал головой.

– Ну нет, – произнес он и, приподняв голову, подмигнул, – Моя задача – чтоб ты была в целости и сохранности. Высажу, а ты свалишься где-нибудь в канаву. Мне потом так по рогам надают, неделю залечивать буду. Нет, голубушка. Довезу до самого подъезда. И на этаж подниму.

При упоминании об этаже меня бросило в холодный пот. В голове промелькнули забытые слова молитв, мантр и всяких обращений, но в итоге остановилась на «Боже, упаси.»

Я постаралась сделать вид, что совершенно спокойна. Извернувшись, потянулась за сумкой и пакетом на заднее сиденье, чуть не уронила папку с документами.

Водитель чуть отклонился, давая мне больше места для манипуляций.

– Не переживай, – проговорил он. – Сам все отнесу.

Внутренности сжала ледяная лапа, сердце ухнуло и забилось, как у загнанного кролика. Вспомнила, как на днях смотрела передачу о мозге, о гениальности и безумии. Мол, они две стороны одной медали. В той же передаче говорили, как на буйно помешанных действует полнолуние. А сегодня как раз оно.

Стараясь унять дрожь, я сложила руки в замок и сделала вид, что очень сосредоточена на дороге. Водитель еще несколько раз свернул и остановился возле подъезда.

Как только движение прекратилось, я выскочила из машины с папкой в руке и метнулась к дверям. Сзади хлопнула дверца, я на бегу оглянулась и увидела, как парень-не-парень быстро идет за мной, неся сумку и пакет.

Он проговорил улыбаясь, но мне показалось, это оскал:

– Ничего себе скорость. Оглянуться не успел, а тебя уже нет. Куда твои помидоры нести?

Меня затрясло еще сильнее.

– Помидоры? – выдавила я.

– Ну да. Тут килограмма три. Куда так много?

Стараясь не беспокоить душевнобольного, я проговорила дрожащим голосом:

– Я с-сама могу.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

– Нет, не можешь, – проговорил парень-не-парень, приближаясь к домофону. – Вон, как трясешься. Наверное, от шока. Ты сейчас ляг, отдохни, выпишись, как следует. Воды пока не пей, все-таки вдруг сотрясение. Если очень захочется – сладкий чай. И никакого кофе с алкоголем.

С этими словами он набрал код домофона, послышался сигнал и дверь открылась. Я с ужасом смотрела, как он заходит в подъезд и не понимала, откуда узнал пароль.

Когда вошли, я обреченно поплелась следом, размышляя, откуда у меня эта паранойя, и быстро ли приедет полиция, если вызову. Даже вытащила мобильник, чтобы набрать, но незнакомец неожиданно обернулся и пошел вперед спиной, щуря левый глаз.

Я раскрыла рот, чтобы закричать, но горло сдавила невидимая лапа, получился сдавленный сип.

Незнакомец усмехнулся.

– Не нервничай, – произнес он. – И не делай резких движений, иначе растревожишь свое сотрясение. Ерунда мерещиться начнет, бегать станешь. А мне тебя ловить.

♣ – Ловить? – пролепетала я.

– Конечно ловить, – согласился он. – Когда коту пытаются сделать укол, он тоже недоволен и мечется по столу. А потом счастлив потому, что не болит. Так что не напрягайся. Я поймаю.

Когда заходили в лифт, меня трясло, как в лихорадке. Он учтиво придержал дверцы, едва те попытались меня зажать. Потом нажал на кнопку «пятнадцать», и лифт поехал вверх.

Не зная, каким богам молиться, я таращилась в серебристую створку. Под нами гудит шахта, а у меня ощущение, что там разверзся ад, а рядом со мной его житель. Рука скользнула к карману в надежде обнаружить шокер, который настоятельно просила купить Наташа. Но там пусто, как в космосе.

Лифт остановился, створки разошлись, я на деревянных ногах вышла в коридор. На полу валяются лепестки цветов и траурная лента. Видимо, у соседей кто-то умер.

Незнакомец скользнул взглядом по лепесткам и сказал почему-то бодро:

– Новобранец.

У двери квартиры я остановилась, понимая – сейчас случится страшное. Траурные ленточки оптимизма не добавили. Когда попыталась нащупать ключи в кармане, снова наткнулась на пустоту.

Оглянувшись, обнаружила парня-не-парня, который протягивает сумку и пакет. В другой руке на пальце висит связка ключей.

– Давай открою, – проговорил он и отодвинул меня в сторону.

Во рту пересохло. Я видела, как он вставляет ключ в разъем, проворачивает. Раздается щелчок, и дверь тихо отворяется. Псих толкает внутреннюю дверь, которую никогда не запираю, и ставит вещи на пол. Затем отходит на пару шагов и произносит:

– Ну вот. Как и обещал – в целости и сохранности. А отдохнуть все-таки приляг.

– Ш-што? – выдавила я.

Но незнакомец развернулся и направился к лифту, а я осталась оторопело смотреть в спину. Когда раскрылись створки, пятясь, он вошел в лифт. На лице засияла улыбка, какой позавидовала бы любая

голливудская звезда.

– Помни, Варвара, – сказал незнакомец. – Верь чутью.

И двери лифта сомкнулись.

▲Глава 2

Несколько минут я тупо смотрела на створки лифта, держа в ладони ключи, которые непонятным образом в ней оказались.

На форточку, громко хлопая крыльями, сел голубь. От испуга я дернулась и, наконец, отвела взгляд.

На деревянных ногах вошла в квартиру и плотно заперла обе двери. Пока шла, прикидывала, что может взбрести в голову этому ненормальному, который откуда-то узнал мое имя. Потом догадалась – в медицинской карте подсмотрел.

Пришлось согласиться с мыслью, что после аварии и стремительного развода у меня очень быстро развился страх и подозрительность ко всем подряд. Это немного успокоило.

Пальто оставила на самодельной вешалке из гвоздя. Переехала недавно и еще не успела полностью обустроиться.

Бросив пакет и сумку в коридорчике, проковыляла в комнату, которая, по совместительству кухня, спальня и рабочий кабинет. Окно оказалось закрытым и в квартире невообразимая духота. Коммунальщики, как взбесились – решили напоследок врубить отопление, чтоб мы, бедные, не замерзли по весне.

Я подошла к окну и, одернув штору, открыла фрамугу. В комнату ворвался свежий весенний ветер и шум города, который даже на пятнадцатом этаже слышно.

Волосы приятно скользнули по щекам, я провела ладонью по растрепанным локонам и вздохнула. Женщинам приходится трудиться над собой день и ночь, а испортить все можно за несколько секунд.

От свежего воздуха немного полегчало, а когда глянула вниз, даже на секунду забыла о стнном незнакомце.

Вид отсюда великолепный. Когда искала квартиру, смотрела не только на цену, что все же решающий фактор, но и на расположение. Выбрала именно эту. Пятнадцатый этаж, самый верх дома. Квартира не угловая, значит, не будет настывать от ветра.

Отсюда машины и люди кажутся букашками, потоки автомобилей ползут, как дождевые черви. А народ вообще блохи.

▲ Отвернувшись от окна, пошарила взглядом по кухне. На столе графин с водой, хотя не помню, чтобы наливала. Хотела наполнить стакан, но вспомнила слова парня-не-парня о возможном сотрясении, и решила не рисковать.

На глаза попался чайник. Через пару минут в чашке дымился горячий чай.

Я села с ним к монитору. Когда пошевелила мышкой, глаза резануло светом. Значит, все-таки что-то случилось с нервами в голове, и посмотреть фильм не удастся.

С досадой выключила монитор и, отхлебнув несколько глотков, перелезла в кровать. Матрац слабо прогнулся, тело расслабилось. Раздеваться не хотелось. Тело, как выжатый лимон, голова не варит, руки дрожат.

Ладонь сама скользнула в карман, я вытащила мобильник из джинсов и включила экран. От яркости снова заболела голова. Прищурившись, увидела последний пропущенный вызов и чуть не выронила телефон.

– Ничего себе, красивый номер, – проговорила я в пустой комнате.

После цифр оператора сплошные шестерки и нули, за которые охотники за номерами будут готовы выложить круглую сумму.

Я оставила номер в вызовах, но добавлять в список контактов не стала. Вместо этого ткнула на предыдущий. В трубке послышался гудок, через несколько секунд раздался бодрый Наташин голос:

– Барби?

– Привет еще раз, – проговорила я. – Слушай, ты прости, но я точно никуда не полечу.

Повисла пауза, только слышно, как Наташа тяжело сопит на том конце.

Стало неловко, и я продолжила:

– Машину ремонтировать надо.

– Что-о? – выдохнула Наташа.

– Авария, – коротко ответила я.

Мне не видно, но прекрасно знаю, что сейчас она вскочила и бежит туда-сюда, как взъерошенная белка.

– Как! – вопила Наташа. – Как это произошло?!

Я коротко рассказала, что случилось. Про психа решила умолчать, допустив, что мне, и правда, померещилось. Потому, что он один решил помочь, когда другие даже пальцем не пошевелили.

– Номер «хаммера» записали? – негодовала подруга. – Негодяй! Какой негодяй! Сбил и смотался. Надо заявление писать, в прокуратуру обращаться!

– Туда-то зачем? – не поняла я.

– Не знаю, – донесся голос из трубки. – Но лучше везде обратиться. Где-нибудь получится.

Я вздохнула и произнесла устало:

– Ладно. Все потом.

– Мне приехать?

– Не надо, – ответила я. – Хочу поспать. Сегодня тот еще денек.

– Хорошо, – проговорила Наташа. – Денек действительно не сладкий. И эти документы еще... В общем, если что, сразу звони. Я с Дэнчиком, он на машине. Мигом будем у тебя

– Договорились, – сказала я и нажала отбой.

Я бросила телефон рядом и перевернулась на бок. В таком положении голова стала быстро наливаться свинцом, пришлось вернуться на спину. Спать в таком положении никогда не получалось, поэтому легла на живот. Сразу заложило многострадальный нос. Чертыхнувшись, снова заняла положение на спине и, к величайшему удивлению, тут же уснула.

Снилось что-то совсем сумбурное. Я лазила по катакомбам, кого-то искала, потом вышла в какие-то очень старые двери и оказалась в разрушенном мире. А может он и не разрушенный, а просто заброшенный. По небу носятся серо-белые вихри, как бури на Сатурне. Вокруг тишина и пустота. Пройдя несколько шагов по высохшей до трещин земле, остановилась и стала ждать. Не знаю, чего, но ощущение, что ждать надо. Потом что-то загремело, и гулкий голос проговорил:

– Выбирай сторону.

Потом снился кошмар про урок физкультуры. Я, как всегда, не могу подтянуться на турнике, а весь класс тыкает пальцами и смеется. Тренер орет, но у меня ничего не выходит. Болтаюсь сарделькой на тоненьких руках и реву.

Проснулась с неприятным осадком. Такое бывает, когда сон

кажется слишком реальным. Потом весь день не можешь отделаться от ощущения, что в жизни тебя где-то обманули.

♣ Солнце льет на занавески свет вечернего солнца. Я с изумлением перевела взгляд на часы. Девятнадцать ноль две. Значит, проспала весь день, чего с роду не случалось.

Медленно опустив ноги на пол, поднялась и подошла к кухонному столу, где оставила графин с водой. Теоретически, если бы было сотрясение, меня до сих пор бы мучило. Но голова болеть перестала, тошнота ушла. Нос только ноет.

Я налила воды в стакан и поднесла к губам. В этот момент за спиной раздался цокот когтей по ламинату. Злясь на ЖЭК, которая убеждала, что в доме нет ни крыс, ни мышей, я развернулась.

Глаза расширились, стакан выпал из рук и стукнулся о пол, потому, что пластиковый. С тихим шорохом он покатился под стол, на полу растеклась лужа. Я замерла.

В середине комнаты рядом с кроватью стоит огромная ворона или ворон. Черные масляные глаза по очереди таращатся на меня. Основание носа заросло то ли шерстью, то ли перьями, на лапах когти, которыми можно быка вспороть. Птица блестит иссиня-черным и напоминает персонажа фантастического фильма.

Я сдавлено выдохнула, решив, что еще сплю. Ворон должен быть примерно с кошку, а этот, как крупная овчарка. В одной лапе какая-то бумажка, птица время от времени переминается, продолжая внимательно меня изучать.

В голове забегали мысли, попыталась вспомнить что-нибудь о воронах – как надо себя вести, агрессивны ли они, что едят. Но самая главная мысль вытеснила остальные – какая здоровая ворона.

Потом решила, что надо угостить ее чем-нибудь. Когда потянулась к хлебнице, ворона проследила за рукой и приоткрыла клюв.

– Можешь не утр-руждаться, – раздался трескучий голос. – Я кар-крошки не ем.

Рука замерла на полпути, я вытаращилась на птицу, с ужасом понимая – слова вылетели из ее глотки.

Пока пыталась собраться с мыслями, ворон вытянул лапу. Бумажный сверток расправился, и птица уткнулась в него носом.

– Вар-рвара Александр-ровна Черносветова, среди друзей Бар-рби, – начал читать ворон, не обращая внимания на мой ступор. – Двадцать пять лет исполнилось неделю назад. По некотор-рым данным ♣нар-рожденная. Инициация не пройдена. Рост сто шестьдесят шесть, вес пятьдесят девять. Р-разведена, детей нет. Бр-рюнетка.

Ворон поднял голову и посмотрел правым глазом. Волосы на моем затылке если не шевелятся, то очень хотят, пока пытаюсь поверить, что птица говорит сознательно.

Пока ворон тарасился на волосы, я уперлась задом в дверцу и сползла на пол.

– Крашусь в блонд, – пролепетала я пискляво, не веря, что отвечаю вороне.

Солнечный свет переливается в смоляных перьях и делает птицу какой-то зловещей. Клюв блестит, глаза сверкают. Я нервно сглотнула и украдкой щипнула себя за бедро.

– Ай.

– Хор-рошо, – произнес ворон и вернулся к бумаге. – Положением от двадцать пятого числа пер-рвого года постановлено, всем урожденным, потомственным, приобретенным, наследственным,

нарощенным и прочим явиться на инициацию не позднее двух недель после исполнения двадцати пяти лет. Не явка или опоздание рассматривается как нарушение и кар-рается отлучением от Круга и любого участия в мер-роприятиях.

Оперевшись ладонью на ламинат, я пыталась понять, что мелет это пернатое, и почему вообще может это делать. Видимо, мысли отразились на лице, потому, что ворон перестал пялиться в свиток и процокал когтями до кухонного стола.

Приподнявшись на лапах, он подвинул клювом графин с водой, а я отшатнулась подальше от смоляного крыла, которое оказалось перед самым носом.

– Попей водички, – произнесла птица.

– Ты разговариваешь, – наконец выдавила я из себя, понимая, как глупо и банально это звучит.

Ворон бросил на меня снисходительный взгляд и подхватил клювом ручку графина. Думала, уронит, разольет, но тот достал лапой стакан из-под стола и, балансируя на одной конечности, наполнил.

– Конечно р-разговариваю, – проговорил он трескучим вороньим голосом и протянул стакан. – С вами не только р-разговаривать, скоро одежду носить научусь. Вон, котов уже принудили, но мы пока держимся. Отстаиваем права.

♣ Я нерешительно протянула руку к стакану. Птица довольно кивнула и отошла на пару шагов, наблюдая за мной. Пришлось забыть, что чашка только что валялась по полу, и отхлебнуть. Ворон что-то прокаркал и прошагал к свитку. Я подумала, что все-таки сплю, в наше время такой бумаги не делают, разве что каким-нибудь реконструкторам на заказ.

– Я сплю? – поинтересовалась я, ставя стакан на пол.

Ворон устало вздохнул и вытянул крыло, такое огромное, что заняло пол комнаты.

– Каждый р-раз одно и тоже, – произнес он, сложив крыло. – Нет, дор-рогуша, не спишь. Все р-реально.

Голова снова пошла кругом, ушибленный нос запульсировал. Я схватилась, проверяя – не потекло ли из него снова. К счастью, пальцы остались сухими.

Кое-как собрав себя с мыслями, я выдохнула и прямо посмотрела на ворона.

– Та-ак, – протянула я, пытаюсь подняться, но конечности ослабели от нервов, получилось лишь поелозить ногами.

На столе мигнул компьютер, высветилась серая рамка. Кажется, пришло какое-то обновление. Специально систему настраивала, чтоб само все делалось и меня не беспокоило. Но сейчас рамке я очень рада потому, что это хоть что-то нормальное в такой безумной ситуации.

У стены пикинул холодильник – еще один спаситель реальности. Я нова произнесла:

– Та-ак... Спасибо тебе... изобретатель фреона.

Птица устала наблюдать мое замешательство и направилась прямо к холодильнику. Ловко поддев носом щель между дверцей, ворон просунул голову и принялся чем-то шуметь.

– Ты кто вообще такой? – спросила я, понемногу приходя в себя. – И зачем лезешь в мой холодильник?

Из-за дверцы донеслось:

– Жалко что ли?

– Ну, – протянула я растерянно, – Не люблю, когда кто-то лезет в

холодильник. Даже друзья себе такого не позволяют. Чаще сами еду приносят. А тут... Не знаю даже...

Ворон высунулся из-за дверцы, клюв перепачкан белым, будто ел сметану.

♣ Вытеревшись крылом, он закрыл холодильник и важно произнес:

– Я один из бессмертных мудрецов ворон Бир-рнан. По совместительству твой кар-ркуратор.

– Каркуратор? – не поняла я.

Он сверкнул правым глазом и покачал головой.

– Не каркуратор, а просто кур-ратор. Я прокар-риваюсь иногда.

Я потерла лоб, пытаюсь сосредоточиться, но в голове каша, которая никак не хочет оформляться во что-то приличное.

– Вороний каркуратор, значит, – протянула я, таращась в никуда.

– По имени Бирнан. Действительно. А я-то думаю... Как же это сразу не догадалась. Гигантская говорящая птица, каркуратор...

Ворон одарил меня снисходительным взглядом и почесал лапой за головой. Послышался звук, какой получается, когда натираешь наждачкой дерево.

Птица произнесла:

– То же мне, новость. Говорящих вор-ронов не видела?

– Мне надо выпить, – проговорила я и, наконец, поднялась.

– Насколько мне известно, – сказал ворон наставительным тоном, – ты только что побывала в авар-рии, и употреблять алкоголь настр-рого запретили.

Ноги дрожат, сердце тарабанит, вот-вот выпрыгнет. Спина взмокла, и блузка противно прилипает, наверное, пахнет тоже не очень.

Опасливо покосившись на птицу, произнесла:

– Сначала авария, псих с машиной, теперь говорящая ворона. Что еще? Лепреконы?

Потом открыла шкафчик и вытащила бутылку виски. Несмотря на то, что вообще-то не пью, сейчас оно показалось в самый раз. Эту бутылку однажды притащила Наташа и приговорила половину за разговором.

Когда открыла крышку и поднесла горлышко к губам, в моем заторможенном мозгу шевельнулось подозрение. Я поставила бутылку и повернулась к птице. Та выжидательно смотрит на меня черным глазом и моргает.

– Ты откуда знаешь про все? – спросила я, застегивая пуговицу на блузке.

♣ Пока спала, она расстегнулась и белье теперь на всеобщее обозрение. И хотя ворону, это, скорее всего, до лампочки, все-таки не уютно.

– Что именно?

– Ну, – сказала я, пытаюсь подобрать слова, – про День Рождения, волосы. Что там еще было?

Бирнан с цоканьем запрыгнул на стол и покосился на фрамугу. Похоже, так и попал в квартиру. В лапе снова зажат сверток, клюв хищно блестит всего в метре от меня. Таким не только падаль рвать, можно и кого живого покалечить.

Солнце быстро катится к закату. На пятнадцатом этаже еще светло, но внизу сумерки. По улицам зажглись фонари, машины тоже засверкали фарами, наполнив улицу сиянием ночного города. В домах напротив светятся окна, правда, не все, только четыре. С их стороны

темно, потому, что находятся на востоке. А утром солнце бьет прямо в глаза, пока спишь. Я жила на восточной стороне. Знаю, как это.

В своей квартире поставила светочувствительные лампы. Эти сами знают, когда темнеет, и включаются.

– Видишь ли, деточка, – начал ворон, – как твой кар-куратор, мне положено знать все, что с тобой происходит. Кроме того, встретил Асмодея. Он все рассказал. Пр-ройдоха. Чуть не потеряли тебя из-за него. Стоило бы сообщить, но выкр-рутится, негодник. Сказал, его опер-редили.

От обилия невозможной информации во рту снова пересохло. Я подняла с пола стакан. Снова налила воды, махнув рукой на лужу посреди пола, и сделала три больших глотка.

– Кто такой Асмодей? – спросила я, вытерев губы тыльной стороной ладони.

– Твой охр-ранник с темной стороны, – будничным тоном сообщил Бирнан. – Есть еще Кафриэль. Он от светлых. Но границы весьма условны. Хотя они очень бор-рются, чтобы переманивать друг у друга. Но ты с начала на инициацию прибуди. А там видно будет.

В словах ворона понятными остались только предлоги и наречия. К своему удивлению, обнаружила, как трясутся пальцы. И лишь через секунду поняла – это от страха. Прежде всего за рассудок.

– Значит так, говорящая ворона, или как тебя там. Каркуратор, – проговорила я с выдохом. – Кто эти люди? Почему меня вдруг надо охранять, что ты курируешь? Какая инициация, и какого черта от меня надо?

Дыхание зашло от быстрой речи, меня потряхивает, пальцы холодные – можно рыбу морозить. Пытаюсь мысленно храбриться, утешаясь, что пережила стремительный развод, и с вороной как-нибудь справлюсь.

Ворон переступил с ноги на ногу и произнес, глядя сквозь фрамугу на быстро потухающее небо:

– Хор-рошо. Давай сначала. Сегодня в твою машину влетела другая, и ты чудом осталась жива. Но это никакое не чудо, а слаженная работа системы безопасности. До тех пор, пока не получишь инициирование, тебя положено охр-ранять, потому, что все хотят пер-ретьнуть на свою сторону как можно больше союзников. Но, как уже говорил, гр-раницы условны. Светлая сторона порой делает такие вещи, от котор-рых стынет кровь у самых темных пр-редставителей. Бывает и наоборот. Но тебя заставят выбир-рать.

Я сдавила виски пальцами и проговорила с нажимом:

– Ничего не поняла.

Глаза Бирнана сверкнули, стало жутко, потому, что солнце село и отражать им не от чего.

– За что мне это! – взмолился ворон и снова устался во фрамугу. – Скажи, замечала ли в последнее время: как ни пожелаешь от души что-нибудь, так оно сбывается. Пор-рой очень быстр-ро.

Немного помычав, припомнила сегодняшнего мужика с перевернутым кофе.

– Ну, допустим, – неуверенно проговорила я.

Ворон довольно закричал и продолжил:

– Этому есть очень пр-ростое объяснение. Едва нар-рожденной исполняется двадцать пять, ее сила впер-рвые просыпается. Мне, как кар-куратору, положено выдать инвентар-рь. Его не много, зато надежный и постоянный. В будущем можешь заменить, если очень пр-

риспичит. Но это делают редко.

Он постучал клювом по столу, затем поднял голову и кивнул в угол холодильника. Между ним и стеной оперевшись на черенок стоит обычная метла, какими пользуются дворники. Спрашивать, откуда взялась, не стала, чтобы не перегружать свой и так напряженный мозг.

♠ – В подметальщицы не нанималась, – бросила я, кутаясь в блузку, потому что комната настыла. – Слава богу, денег хватает свести концы с концами.

Крылья ворона поднялись в молебном жесте, он затряс ими, рискуя скинуть несчастный графин.

– Да что ж ты такая непонятливая, – простонал он. – Подметать ею можно. Но, насколько знаю, так метлу используют не часто. Скорость ты любишь, а транспор-рта больше нет. Так что пр-ринимай обнову.

Пока я тупо пялилась на дворничий инструмент, Бирнан порылся еще где-то и вытащил прямо из воздуха черный сверток, увенчанный остроконечной шляпой.

Я одурело вытаращилась на него. Когда сверток оказался на столе, ворон запрыгнул на бортик фрамуги. Голова вскинулась, в черных глазах мелькнуло недовольство, будто ему очень не терпится распрощаться со мной.

– На инициацию положено прибывать в форме. Одежду надо проветрить, долго лежала в сундуке, – проговорил он, глядя через крыло. – Сама не летай. Не инициированные ведьмы должны летать только в сопр-ровождении. Чтобы стать настоящей наездницей метлы, нужно учиться.

Я спросила запинаясь:

– Что за инициация?

– Испытание ведьмы. Какое, знают только высшие ведьмы. Сами его назначают. Позже сообщу место. Все будет в пор-рядке, главное, не попадись инквизиторам. Они и так уже охотятся на тебя.

Он развернулся и присел, чтобы оттолкнуться, но в последний момент глянул на меня и прокаркал:

– А, и еще. Будь осторожна с Асмодеем. Он умеет сманивать на свою сторону. Хотелось бы честного выбора хотя бы в этот р-раз.

– Да кто он такой? – не выдержала я.

Бирнан сверкнул левым глазом и сказал:

– Он домой тебя пр-ривез.

С этими словами он кинулся вниз, послышались мерные хлопки крыльев.

♠Глава 3

Ворон скрылся, а я все еще пялюсь в окно. На улице стемнело, на небе зажглись звезды, необычно яркие из-за того, что квартира на пятнадцатом этаже.

Стараясь привести в порядок мысли, я все-таки отхлебнула из бутылки. Жгучая жидкость потекла в горло, я закашлялась и убрала виски в шкаф.

Холодильник снова пикинул и загудел, включился ледогенератор. На столе черный сверток одежды, шляпа, у стены метла. Я оглядела это богатство и нервно усмехнулась.

Потом, стараясь не смотреть ни на то, ни на другое, подошла к компу и пошевелила мышкой. Свет от монитора уже не так режет глаза. Значит, исцеляюсь.

Пальцы быстро набрали в поисковике «огромный ворон».

Нашлось куча ссылок, но все про самых обычных птиц. Как кормить, ухаживать, анатомическое строение и видео с говорящими экземплярами.

Просмотрела и скривилась. Эти говорилки ни в какое сравнение не шли с гигантом, который только что расхаживал по квартире. Еще нашла сонники и веера из птичьих перьев.

Оставив попытки разобраться с птицей, напечатала слово «Асмодей» и нажала «энтер».

На экране запестрило от разнообразной информации. Даже рот раскрылся. Когда обнаружила послужной список незнакомца, поняла, почему ворон предостерег от проявления чувств к парню-не-парню.

Я тыкала на каждую ссылку и читала про то, какой он блудливый, похотливый и развратный. Хотя, когда вспомнила его бицепсы и загадочный блеск в глазах, поняла, что другим он быть просто не может. Но вот картинки интернета показывают Асмодея очень разным, хотя ни одна не похожа на оригинал.

Про Кафриэля почти ничего не нашла. Только какие-то эзотерические ссылки, ни картинок, ни информации. Словно скрывается.

♣ Поймав себя на мысли, что начала верить в происходящее, я отодвинулась от компьютера и посмотрела на холодильник. За ним у стены метла. Отсюда не видно, но должна быть там.

– Хуже могут быть только инопланетяне, – проговорила я и вздохнула.

Минут пять сидела и таращилась на метлу, соображая, как в один короткий день уместилось столько событий, которые переворачивают жизнь с ног на голову.

Потом любопытство пересилило рационализм, я поднялась и на носочках приблизилась к агрегату. Выглянув из-за дверцы, обнаружила мирно стоящее помело.

Выглядит как обычная метелка. Если положить рядом с дворничьей – не отличишь. Кривой черенок, туго перетянутые веревкой прутья.

Еще немного помедлила. Затем пальцы сомкнулись на черенке. Я покрутила метлу в руках, разглядывая трещинки, и зажала его между ног.

Метелка безжизненно торчит деревяшкой в потолок, приходится придерживать, чтоб не упала.

Я вздохнула и скривилась.

– Ну конечно, – пробормотала я. – Чего и следовало ожидать. Меня разырали. Не знаю, как придумали с вороной, но водитель был убедителен.

В темноте окна увидела свое отражение и усмехнулась. Стою среди комнаты в джинсах и грязной блузке, спереди торчит черенок, сзади – помело. Светочувствительные лампы в стенах подсвечивают снизу, длинные волосы растрепаны. Ну точно ведьма.

Для пущей комичности я подняла руку на манер супермена и проговорила воинственно:

– Лети!

Метла дернулась и больно врезалась в причинное место. Я ойкнула и завалилась вперед, вцепившись в деревяшку. Ноги оторвались от пола, и я зависла в середине комнаты, не зная, как извернуться, чтобы в самом нежном месте перестало давить.

– Мать вашу... – вырвалось у меня, когда подумала, что хочу

обратно на пол.

♣ Метла послушно опустилась. Я перекинула ногу и отбежала в другой конец комнаты, испуганно таращась на приспособление, которое все еще висит в воздухе.

Я прошептала едва слышно:

– Выходит, не разыграли...

Стараясь не подходить близко, пробралась к компу. Конец черенка повернулся за мной, словно наблюдает невидимым глазом.

Трясущимися пальцами, набрала в поисковике запрос на тему метел. Нашла кучу хозяйственных магазинов, литературные образы и почему-то гитарную мастерскую.

– Что таращишься, – проговорила я нервно. – Видишь, я боюсь. Иди в свой угол за холодильник.

Аппарат послушно развернулся и поплыл к стене, а я проводила его изумленным взглядом, не ожидая повиновения.

Несколько минут я мерила шагами комнату, не зная, как вообще быть с ситуацией. За стеной из соседней квартиры доносится шум, видать поминки устроили. Обычно заказывают кафе или ресторан, но эти остались дома, и теперь громко причитают, успевая звякать рюмками и тарелками.

Понемногу осознала, что ворона действительно говорящая, а охранниками ко мне действительно приставили демона и ангела.

Осторожно приблизившись к холодильнику, обошла его по дуге и встала напротив метлы. Та спокойно стоит, прижавшись к стене, и выглядит как нормальная, за исключением прутика, который дергается у самого пола.

– Извините, не подскажете где выход? – донеслось слева.

Я медленно повернулась и заорала.

Над полом возле кровати покачивается прозрачная фигура соседа. Знакома с ним не была, но иногда встречала на лестничной клетке. Дедуля был молчаливым и кормил дворовых кошек. Теперь он у меня в комнате и смотрит бледными глазами.

– Почему вы кричите? – спросил он заинтересованно.

Орать я перестала и схватила первое, что попало под руку. Этим оказалась метла, которая хоть и не нормальная, но для махания вполне сойдет.

– Потому, что ты умер! – выдохнула я, выставив перед собой метлу прутьями вперед.

♣ Брови призрака поднялись, рот открылся, он недоуменно вытаращился и проговорил:

– Умер? Нет, вы что-то путаете. У нас в квартире праздник, куча народу собралось. Только не помню, по какому поводу. Кажется, девятое мая. Но есть небольшая проблема. Хочу выйти, а двери найти не могу.

– Потому, что ты умер! – снова заорала я, тыкая в него метлой. – Это не праздник, а поминки.

Призрак качнулся, взгляд остановился на ворохе одежды и шляпе. Он несколько секунд пялился в одну точку, затем лицо стало печальным.

– Значит, случилось, – произнес он скорбно. – А я надеялся посмотреть, как мои муравьишки в новом формикарии будут тоннель строить. Эх...

Он так осунулся, что стало жалко. Висит в воздухе, как неприкаянная душа, плечи поникшие, и с памятью что-то.

Несколько минут длилось молчание. Пока я пыталась сообразить, что делать, призрак качался и смотрел на остроконечную шляпу. Наконец, поняв, что он безопасен, опустила метлу и отошла к столу с недопитым стаканом. Осушив его в три глотка, вытерла лицо, больно зацепив нос, и провела ладонью по волосам.

– Так, – прошептала я, чтобы умерший сосед не услышал. – Надо успокоиться. Ну, призрак, что тут такого. Никто же не доказал, что их нет. Я же его вижу. Раз есть говорящие вороны, демоны с ангелами, почему не существовать призракам? Конечно... Призрак... Чего уж...

В голову пришла неожиданная идея. Ладонь сама опустилась в карман, но тот оказался пуст. Я тревожно забегала глазами в поисках мобильного и обнаружила его на кровати потому, что сама бросила его туда перед сном.

Медленными шагами двинулась к койке, стараясь обойти слева, чтобы держаться от призрака как можно дальше. Когда оказалась на достаточном расстоянии, быстро схватила телефон и отскочила назад с победным возгласом:

– А-га!

Умерший сосед поднял безразличный взгляд, и мне стало неловко.

– Эээ, – проблеяла я. – Вы позволите сделать кадр?

Сосед пожал плечами.

♣ Я открыла приложение камеры. Фокус долго отказывался наводиться, все время сползал и исчезал в самый неподходящий момент. Когда все же нажала на кнопку, экран засветился. После семи безуспешных попыток поняла, что сделать сенсацию не удастся.

Печальное лицо почившего окончательно смутило, я спросила неуверенно:

– Вам помочь может?

Его взгляд просветлел. В прозрачных глазах мелькнуло подобие надежды, но из-за мутности ее легко спутать с бликами света.

– Мне бы выход найти, – проговорил он и сцепил пальцы в молебном жесте.

– А вам куда надо? – поинтересовалась я, не представляя, что говорить, когда сообщит место назначения.

Старик задумался и поплыл по комнате. Я сделала пару шагов назад, потому что еще не смирилась с происходящим. Он завис на середине и потер подбородок.

– Хороший вопрос, – произнес призрак. – Направления не помню. Знаю лишь, что надо куда-то выйти.

– Ну, может, видели свет в конце тоннеля, или серафимов каких-нибудь? – предположила я.

Призрак снова задумался, потом показал головой.

– Нет, – проговорил он. – Ничего такого.

Я нервно поправила воротник блузки и убрала телефон в карман. В другой руке метла, ладонь взмокла, и держать неудобно. Пришлось переложить.

– Знаете, – начала я, сглотнув пересохшим языком, – про загробный мир мне мало известно. Пять минут назад в него вообще не верила. Но думаю, вам стоит подождать возле тела.

– На кладбище что ли?

– Ну а что поделаться, – сказала я и развела руками. – Не в квартире же вам сидеть, живых пугать.

Призрак вздохнул еще печальней и произнес:

– Они испугаются?

У меня чуть метла из рук не выпала.

– Даже я испугалась. А у меня сегодня очень непростой день.

– Что ж, – проговорил умерший. – Пойду на кладбище.

С этими словами он развернулся и погрузился в пол.

▲ А я, в который раз вытерев лицо и стараясь не задеть несчастный нос, подошла к зеркалу. Волосы растрепанные, точно солома, переносица залеплена, под глазами круги. На блузке красное пятно, видимо еще в машине попало.

Скривившись, я отвернулась.

На глаза попался сверток, который оставил ворон.

– Час от часу не легче, – проговорила я тихо. – Ну что ж, поглядим...

Подойдя к столу, поставила метлу и развернула ворох. Шляпу пока оставила, придет и ее время. Думала, там какое-нибудь тряпье, но оказалось вполне приличное черное платье в пол с пуговицами от низа до самого горла.

Расстегнув насколько верхних, я скинула блузку и влезла в наряд.

Из отражения в окне глянула настоящая королева Хэллоуина.

Платье сшито по фигуре, к низу расходится. Рукава, правда, длинные, и пуговицы до подбородка, но можно не застегивать. Материал тоже приятный, вроде бархат, но не такой ворсистый. И волосы красиво контрастируют.

Затем примерила шляпу, которая показалась самым важным предметом гардероба. Бережно водрузила ее на голову, полагая, что свалится, но она быстро приняла нужную форму и размер.

С трудом веря, что вырядилась в такое, покрутилась перед окном. Хотела сфотографировать, да телефон в джинсах под платьем, а лезть неудобно.

– Метла? – недоверчиво произнесла я.

Черенок шевельнулся и направился на меня. Чиркнув помелом, аппарат принял вертикальное положение и с готовностью замер.

– Вообще-то, круто, – проговорила я. – Управлять голосом не все технологии умеют. А мыслями подавно.

Забыв, что не верю в паранормальную чепуху, приведенный, говорящий ворон и остальное мракобесие, я подбежала к кровати и схватила подушку. Затем вернулась и положила на черенок.

Усевшись верхом, ухватила за деревяшку и легла на живот. Не успела подумать, как метла поднялась на метр.

– Ой-й...

Подушка помогла не сильно. Между ног все равно давит, словно намерена пополам рассечь. Пришлось наклониться вперед, поджав

▲ колени, и зацепиться стопами за помело, чтобы уменьшить нажим.

Зазвонил телефон, в кармане завибрировало.

– Вот мне только по телефону сейчас разговаривать, – выдавила я, отдувая прядь со лба и ожидая, пока телефон замолкнет.

Потом подумала о полете.

Повинуясь мыслям, метла поднялась выше и поплыла под потолком. На смену страху и скепсису пришел восторг от осознания: «Это метла. Настоящая ведьминская метла. А на мне ведьминский наряд».

Вылететь во фрамугу не решилась из-за высоты пятнадцатого этажа. Но полетать очень хотелось.

Медленно подлетев к двери, открыла внутреннюю и посмотрела в глазок. На лестничной клетке чисто, но решила спуститься пешком,

чтобы не довести консьержку до приступа видом летящей на метле женщины.

Опустившись, слезла с черенка, сунула подушку подмышку и вышла в коридор. В лифте, на мое счастье, тоже оказалось пусто, и я спокойно поехала вниз.

На шестом этаже движение остановилось. Когда створки разошлись, передо мной оказался долговязый парень лет восемнадцати. Волосы выкрашены в угольный, кожа бледная, в носу и губе пирсинг. Сам закутан в черное по новой готической моде.

Он с любопытством посмотрела на меня и вошел в лифт. Двери закрылись, кабина поехала вниз.

Парень переминается с ноги на ногу, дергая плечами. Чувствую, как ему хочется обернуться, вон аж пальцы подрагивают, посмотреть на блондинку в костюме ведьмы с подушкой и метлой в руках.

Но парень держится. Зато меня напряжение достало.

Я проговорила:

– Косплей.

Он понимающе кивнул. Когда лифт приехал на первый этаж, я буквально выбежала, оттолкнув его метлой. Окно консьержки к моему облегчению оказалось закрытым, что избавило от неудобных вопросов. Пришлось бы врать.

Я нажала кнопку, раздался протяжный писк и дверь открылась. Вечерний воздух совсем не весенний, и я обругала себя за то, что не взяла пальто. Но через минуту с удивлением обнаружила, что платье вполне справляется с функцией обогрева. Зябнут лишь пальцы и щеки.

Двор хорошо освещен, недавно поставили новые фонари в дополнение к обычным. Эти на солнечных батареях или что-то вроде того.

Быстро застегнувшись до подбородка, я быстрым шагом направилась к кустам шиповника, под которыми любят собираться местные пьяницы. Но сегодня вторник, и у них выходной.

Снова запищала дверь, во двор вышел готичный парень и крикнул мне:

– Дайте номерок, где костюм брали!

Я закивала и помахала рукой.

– Да-да, попозже. Пока занята.

– А как я вас потом найду? – не понял готичный парень.

– У консьержки оставлю, – соврала я.

Гот широко улыбнулся, совсем не «готично», и крикнул:

– Е-ее!

Потом воткнул наушники и пошел по тротуару в сторону парка. Когда удалился на достаточное расстояние, я на цыпочках подбежала к кустам и положила метлу на воздух. Та послушно зависла, вильнув прутиком.

Убедившись, что рядом никого нет, я водрузила подушку и вскарабкалась на черенок. Пришлось снова улечься, чтобы уменьшить дискомфорт.

Я ерзала и бормотала:

– Кто вообще придумал летать на метлах? Почему нельзя было сделать летающий стул, или тахту?

В кустах зашуршало, я с ужасом замерла, надеясь, что вылезет пьяница, чтобы можно было списать на белую горячку.

В ветках сверкнули два глаза, за ними показалась рыжая мордочка. Кошка высунула лапку и осторожно выскользнула из

зарослей.

Я облегченно выдохнула.

– Напугала.

Кошка задрала хвост и демонстративно прошагала на другую сторону тротуара. Подойдя к решетке на подвальном окне, она оглянулась на меня и скрылась в проеме. А я вытерла лоб дрожащими пальцами.

Со стороны автобусной остановки послышался стук каблуков и неразборчивое бормотание. Парочка довольно переговаривается, быстро приближаясь. Офисные работники спешат домой, к компьютерам, будто на работе не хватило.

Чтобы не столкнуться с очередными прохожими, я уселась поудобней и скомандовала:

– Вверх!

Можно было и не произносить. Уже поняла, метла от одних мыслей приходит в движение, но почему-то захотелось сказать.

Меня быстро понесло к небу, через пару мгновений осознала, что деревья остались далеко внизу, а спустя еще несколько секунд, под ногами мелькнула крыша моего дома и скрылась в черноте.

Внутри все упало, я вцепилась в черенок и зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. От скоростного подъема заложило уши, пришлось судорожно глотать и зевать, а мой страх лететь с пятнадцатого этажа теперь кажется глупым.

Пальцы оледенели, порывы ветра, непонятно откуда взявшегося, вот-вот выдуют душу из тела. Доверие к метеорологам упало в ноль, а грудную клетку сдавил ужас.

Потом холод усилился, даже чудо-платье не спасает. Кончик болящего носа замерз так, что перестала чувствовать. Щеки стянуло. Хотела потереть, но пальцы деревянные и не гнутся. Успела слабо порадоваться, что под платьем остались джинсы. Так бы вообще околела.

– Х-хол-лодно...

Приоткрыв глаз, увидела сияющее золотом пятно в черноте. Голова кружится, дышать до того трудно, что картинка двоится. Несколько секунд таранилась на пылающий диск. А когда дошло, что это город, маленький и продолжающий уменьшаться, от страха чуть не свалилась с черенка.

– Снижайся! – заорала я не своим голосом. – Вниз!

Меня тряхнуло и едва не сорвало с метлы. Желудок подскочил к горлу, хотя завтрак давно переварился. Золотая монета качнулась и понеслась на встречу. В ушах свист, полы платья трепыхаются, волосы под шляпой, которая словно приклеилась к голове, вытянулись и, кажется, заледенели в таком положении.

Монета быстро превратилась в огромное озеро и продолжает расти. Из всех сил сжимаю губы, чтобы не вывернуло как у бульдога. Глаза мокрые, но слезы не успевают стекать, их срывает и размазывает по вискам.

Когда внизу стали различаться дома, дошло, что я со всей дури несусь к асфальту и через несколько секунд расшибусь в лепешку.

– Сто-ой! – завопила я.

Метла резко остановилась. Черенок больно впился в нежное место и живот, даже подушка не спасла. Вдобавок, стукнулась подбородком.

Минут пять просто лежала на метле и переводила дух. Крыши

домов теряются в темноте, по дорогам ползут крошечные машинки с горящими фарами. Свет фонарей заливает улицы. Именно он делает город похожим на пылающий диск с высоты птичьего полета.

Наконец, попробовала шевельнуть пальцами. От скоростного замораживания они белые и не хотят подчиняться. Волосы совсем потеряли форму и висят сосульками.

– А говорили, этот лак выдерживает любую погоду, – пробормотала я. – Они просто на метлах не летали...

Когда сердце перестало тарабанить, как у испуганной мыши, я спустилась еще не много и полетела прямо над домами. Теперь расстояние до земли в пятьсот метров не кажется большим. А истину, что все познается в сравнении прочувствовала нутром.

Метла движется совершенно бесшумно. Если у нее и есть моторчик, то не известный современной физике. По началу, я боялась, что кто-то заметит летящую в небе девку, но потом поняла – люди редко отрывают взгляд от земли. Все больше в телефонах, даже на ходу. Если кто-то и посмотрит – на мне черная форма, благодаря которой сливаюсь с фоном.

Спустя полчаса бесцельного полета, пальцы оттаяли и снова стали слушаться. Я оторвала их от черенка и сунула подмышки, плюнув на давящее в причинное место древко. Ладони закололо, как когда возвращаешься с мороза и подставляешь окоченевшую конечность под горячую воду. Чтобы держаться стопами за помело, пришлось прогнуться в спине. Наверное, со стороны напоминаю лебедя. Прекрасного черного лебедя.

– Мете-елочка, – ласково проговорила я. – Ты хорошая. Быстрая. Я только холод не люблю. А скорость люблю.

Метла будто поняла, качнулась и легонько закивала передним краем.

– Ты живая что ли? – не поверила я.

Черенок снова кивнул.

Я вытащила ладони и обхватила пальцами чудесное древко. Если бы утром кто-нибудь сказал, что буду летать на метле в ведьминской шляпе – позвонила бы в дурдом и сдала бы бедолагу на принудительное лечение.

Пролетев еще немного, заметила, что освещение внизу стало ярче. Значит, я где-то над центром. Тут и машины круче, и у заведений вывески больше, и сами заведения серьезные. За один вечер можно оставить две зарплаты, а учитывая, что сейчас не работаю, мне там вообще делать нечего.

Тем не менее, рискуя быть замеченной, спустилась на уровень третьего этажа и спряталась в ветках огромной липы. Прямо под ней вход в заведение с говорящим названием «Шест».

У порога громила в строгом пальто, из уха торчит закрученный проводок. Лицо такое, словно целиком сожрал лимон, но делает вид, что понравилось. Рядом толпятся те, кто хочет попасть внутрь. Удастся не всем. Вышибала тщательно сверяет паспортные данные со списком и сортирует посетителей.

Наблюдать за громилой и теми, кому не повезло с проходкой, не стала.

Только собралась подняться выше, как дверь открылась. На порог вышел высокий черноволосый красавец и что-то шепнул охраннику. Тот кивнул, и две брюнетки проскользнули в проход.

Даже с такого расстояния смогла уловить харизму мужчины.

Плечи широкие, под рукавами футболки перекатываются валики мышц. Значит, следит за собой. Наверняка знает, что нравится женщинам.

Он повернулся, на ткани мелькнул принт в виде смайлика-чертенка.

– Асмодей! – вырвалось у меня.

♣ Я сказала тихо, но Асмодей поднял голову и завертел по сторонам. Не думала, что обнаружит, но он, словно сканером, прошелся по кронам и остановил взгляд на ветках липы.

Водитель, который вообще не водитель, а демон, который с утра почти довел меня до истерики своей околесицей, подошел к стволу и задрал голову.

– Катаешься? – спросил он и ослепительно улыбнулся.

Пришлось вцепиться в черенок, чтобы не упасть. Вот что имел ввиду каркуратор, когда говорил об осторожности. Такого притягательного лица в жизни не встречала, а от улыбки можно сразу падать с метлы в объятия этого нечистого.

Я постаралась придать себе самый безразличный вид, хотя это сложно, когда в зад давит метла, а снизу на это смотрит обворожительный мужчина.

– Да вот, выбралась полетать, – сказала я первое, что пришло в голову.

Прозвучало неубедительно, но Асмодея хмыкнул и помахал, чтоб спускалась.

– Идем, – проговорил он по-хозяйски. – Нальем тебе сока.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/margo-gener/varvara-naezdnica-metly/>